

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.2.043-052
УДК 903.211.3+903.226

Б. Гаспарян¹, С.Н. Кореневский²

¹Институт археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Армения

E-mail: borisg@virtualarmenia.am

²Институт археологии РАН

ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия

E-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

Клад бронзовых орудий начала медно-бронзового века у села Двин (Центральная Армения)

Статья посвящена публикации клада, найденного в 2018 г. на вершине холма у с. Двин в Армении. Клад включает семь кинжалов и шесть тесел. Аналогии последним выявлены в Приереванском кладе бронзовых топоров-клевцов и тесел у с. Джрашен, а также в кладе Нахаль-Мишмар в Израиле. Рассмотрены особенности двинских тесел, одной из которых является сильно скругленное лезвие, напоминающее окончания клиньев боевых секир бронзового века. Определен тип кинжалов из Двинского клада. Все они однотипные, по форме сходны с бесчеренковыми кинжалами майкопской культуры, но более массивные. Проанализирован состав металла изделий Приереванского и Двинского кладов. Установлено, что предметы изготовлены из мышьяковой бронзы. Конкретный рудный источник металла не определяется. Судя по типологическим особенностям форм, наличию полуфабрикатов в составе комплекса, Двинский клад является продуктом местной металлообработки. Он отражает продукцию древних мастеров-оружейников южной зоны Алавердского рудного района. По данным GPS расстояние между Двинским и Приереванским кладами небольшое, ок. 13 км по прямой. Видимо, оба были связаны с неким локальным участком древней металлообработки на территории современной Армении. Клады можно датировать в пределах конца V – первой половины IV тыс. до н.э.

Ключевые слова: Армения, клад, кинжал, тесло, топор, датировка.

B. Gasparyan¹ and S.N. Korenevskiy²

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Charentsa 15, Yerevan, 0025, Armenia

E-mail: borisg@virtualarmenia.am

²Institute of Archaeology,

Russian Academy of Sciences,

Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russia

E-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

An Early Bronze Age Hoard of Bronze Tools from Dvin, Central Armenia

We describe a hoard found in 2018 on a hilltop near the village of Dvin, Armenia, and comprising seven daggers and six adzes. Similar pickaxes and adzes were found in caches at Dzhrashen, Yerevan, and at Nahal-Mishmar, Israel. A peculiar feature of the Dvin adzes is that their blades are sharply rounded, resembling those of the Bronze Age battle axes. All the Dvin daggers belong to a single type, similar to tangless daggers of the Maikop culture, but more robust. Results of an X-ray diffraction analysis show that the Yerevan, as well as the Dvin, specimens are made of arsenic bronze, whose source is hard to determine. Judging by the typology and the presence of blanks, the Dvin hoard indicates local metalworking, a production of artisans working in the southern part of the Alaverdy mining area. According to GPS, the direct distance between the Dvin and Yerevan hoards is just 13 km. Both locations apparently belonged to one and the same metalworking region in Armenia, and both hoards date to the late 5th to early 4th millennium BC.

Keywords: Armenia, hoard, dagger, adze, axe, dating.

Введение

Клады с оружием начала медно-бронзового века на Кавказе и Ближнем Востоке являются большой редкостью. На территории современной Армении известен один такой комплекс, получивший название Приереванского клада [Мартirosян, Мнацаканян, 1973]. Он включал бронзовые топоры-клевцы, один втульчатый топор и плоские тесла. Приереванский клад многократно освещался в литературе и рассматривался как набор вещей куро-араксской культуры, хотя сопутствующей керамики не было.

Проблема изучения начала медно-бронзового века на территории современной Армении приобрела совершенно новый ракурс после открытия еще одного клада бронзовых предметов. Он был найден в окрестностях с. Двин, вследствие чего назван Двинским. Информация об этом кладе поступила в апреле 2018 г.

Материалы и результаты исследований

В мае 2018 г. место обнаружения клада было обследовано нами. Оно находилось в частных владениях,

Рис. 1. Расположение Двинского (1) и Приереванского (2) кладов.

Рис. 2. Вид на место нахождения Двинского клада.

на высоком (5,6 м) холме. Окружающее пространство представляло собой плоскую равнину на высоте 948 м над ур. м. По словам любителей древностей, от которых клад попал к археологам, хозяин участка решил посадить на вершине холма кусты шиповника, но на глубине одного штыка наткнулся на компактно лежащие изделия из бронзы. Координаты холма: 40° 00' 45,5" с.ш., 44° 35' 45,0" в.д. (рис. 1, 2). Особый интерес к месту нахождения клада добавили координаты местности, где был обнаружен знаменитый Приереванский клад у с. Джрашен, расположенного в 16 км к северо-западу от г. Агашат [Мартirosян, Мнацаканян, 1973]: 40° 07' 30,4" с.ш., 44° 34' 24,7" в.д. Она находится в 12–13 км по прямой к югу от места обнаружения Двинского клада. То есть расстояние между ними не так уж велико.

Поверхность холма, на котором был найден Двинский клад, покрыта дерном. Под ним залегает гравий. Культурный слой не выявлен. На холме и окружающей его пашне фрагментов древней керамики не обнаружено. Место нахождения клада четко совпадает с центром вершины холма. Несколько поодаль был найден обломок бронзового тесла.

В состав Двинского клада входят шесть плоских тесел и семь кинжалов (рис. 3, 4). Общая масса находок без обломка тесла составляет 2 474,7 г, тесел – 1 940, кинжалов – 534,7 г; средняя масса тесел – 323 г, кинжалов – 76 г. Тесла имеют значительную длину для орудий этой категории – от 234 до 264 мм (табл. 1). Заточка обоюдоострая. Одно тесло тупое (см. рис. 3, 5). Толщина окончания рубящего края у него 2 мм. Это изделие – полуфабрикат, как и один клевец из Приереванского клада с незаконченным оформлением клина. Особенностью двинских тесел является сильное расширение лезвия с закраинами и его скругление. Для расчета коэффициента скру-

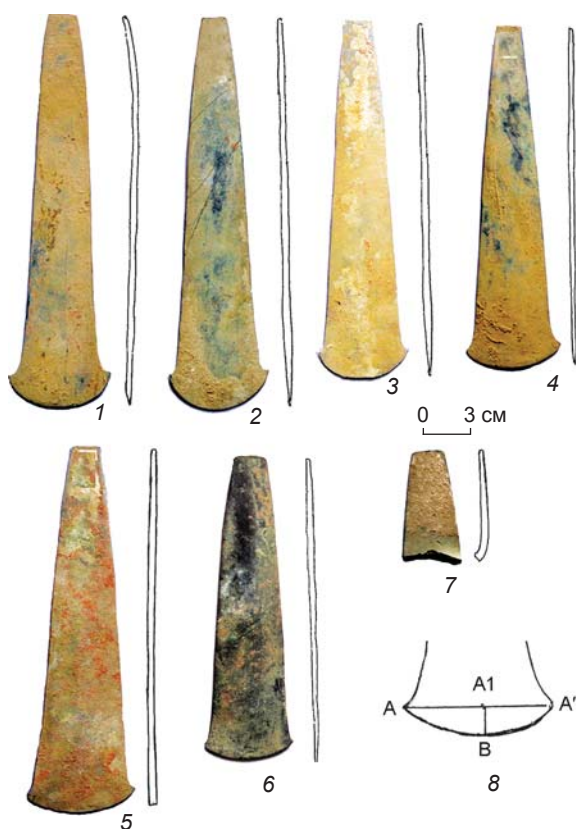

Рис. 3. Тесла из Двинского клада и схема замеров для расчета коэффициента скругленности лезвий (номера изображений тесел соответствуют порядковым номерам в табл. 1, 4).

гленности произведем несколько несложных замеров (см. рис. 3, 8). Изгиб лезвия примем за дугу окружности и соединим ее окончания хордой А–А', от середины которой опустим перпендикуляр на вершину дуги (А1–В). Отношение отрезка А1–В к длине хорды А–А' и будет искомым коэффициентом. У тесел Двинского клада он очень большой (табл. 1). Некоторые тесла имеют сужение к пятке с изгибом, как и тесла из Приереванского клада. Учитывая оригинальность формы рассматриваемых орудий и их крупные размеры, имеет смысл закрепить за ними понятие «тесла двинского типа».

Аналогии данным теслам на Южном Кавказе ограничены. Кроме Приереванского клада, содержащего помимо тесел топоры-клевцы (рис. 5, 6), другие примеры привести трудно. Тесла из этого клада такие же крупные, некоторые из них имеют сильно скругленное лезвие, как и топоры-клевцы (рис. 5, 6; табл. 2). Тесла двинского типа встречаются в одном из комплексов позднего халколита могильника Илпинар в Центральной Анатолии (рис. 7, 4, 5) [Begemann, Pernicka, Schmitt-Strecker, 1994], а также в воинских захоронениях некрополя Икизтепе на северо-западе Анатолии [Bilgi, 2005, s. 46, pl. 24], относящихся ко времени

Арслантепе VIA, т.е. к концу IV тыс. до н.э. Дополнительное сужение тесла к пятке и сильно скругленное лезвие имеют три тесла из клада Нахаль-Мишмар (Израиль) [Bar-Adon, 1980, p. 113, 167–169] (рис. 7, 2, 3). Другие аналогии нам неизвестны. Тесла майкопско-новосвободненской общности резко отличаются от двинских размерами и пропорциями, так же как и тесла из Суз I, гробницы Си Гирдан, Сялка III, памятников куро-араксской культуры [Корневский, 2011, с. 60–66].

Семь кинжалов из Двинского клада однотипные (см. рис. 4). Длина изделий колеблется от 181 до 250 мм, а их колюще-рубящей части достигает 160 мм (см. табл. 1). По конфигурации двинские кинжалы напоминают бесчеренковые майкопской культуры. Но последние имеют существенные отличия. Рукоятки майкопских кинжалов несколько угловатые, с намеком на выделение плечиков. Кроме того, на них нередко наблюдаются зазубрины [Там же, с. 100, рис. 90, 1], что отсутствует на кинжалах Двин-

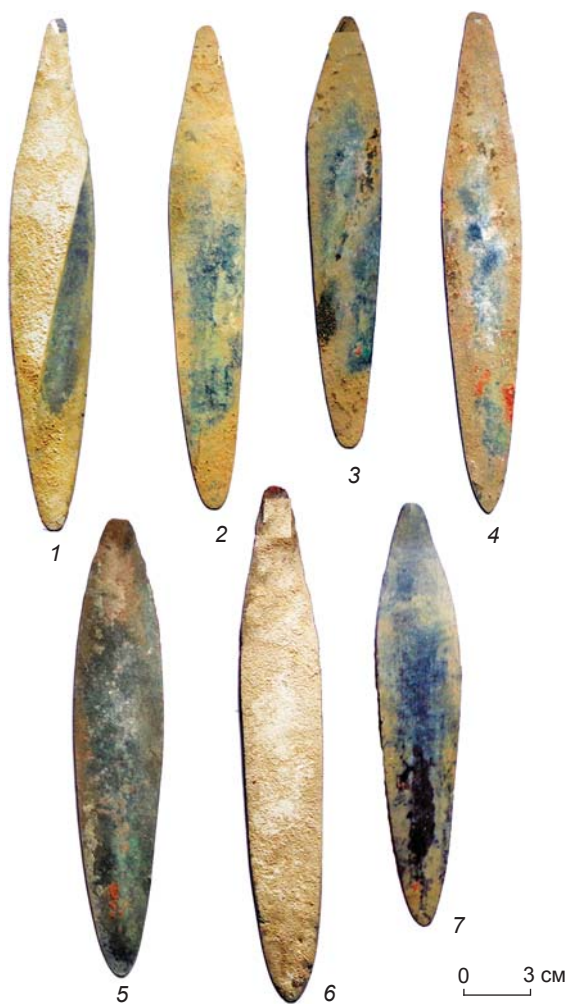

Рис. 4. Кинжалы из Двинского клада (1–7 – соответственно № 8–14 в табл. 1, 4).

Таблица 1. Замеры орудий из Двинского клада и секиры из пещеры Арени

№ п/п	Орудие	Длина, мм	А, мм	В, мм	В/А	Масса, г	Пятка тесла, мм
1	Тесло	264	76	25	0,32	370	22
2	»	247	67	26	0,38	290	15
3	»	253	60	19	0,31	340	18
4	»	239	61	18	0,29	305	17
5	»	238	62	14	0,22	340	15
6	»	234	58	13	0,22	295	15
7	Обломок тесла	70	—	—	—	—	25
8	Кинжал	250	—	—	—	74,4	—
9	»	225	—	—	—	73,4	—
10	»	215	—	—	—	72,18	—
11	»	207	—	—	—	58,84	—
12	»	195	—	—	—	54,88	—
13	»	181	—	—	—	68	—
14	»	185	—	—	—	133	—
15	Секира (Арени)	140	77	24	0,31	133	23

Примечания. А – длина лезвия (А–А' на рис. 3, 8), В – высота дуги (А1–В на рис. 3, 8), В/А – коэффициент скругленности лезвия.

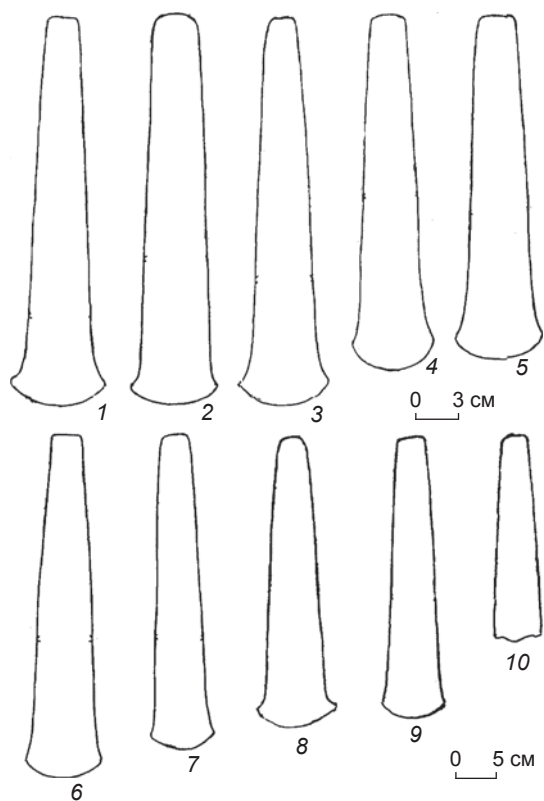

Рис. 5. Тесла из Приереванского клада (по: [Геворкян, 1980]).

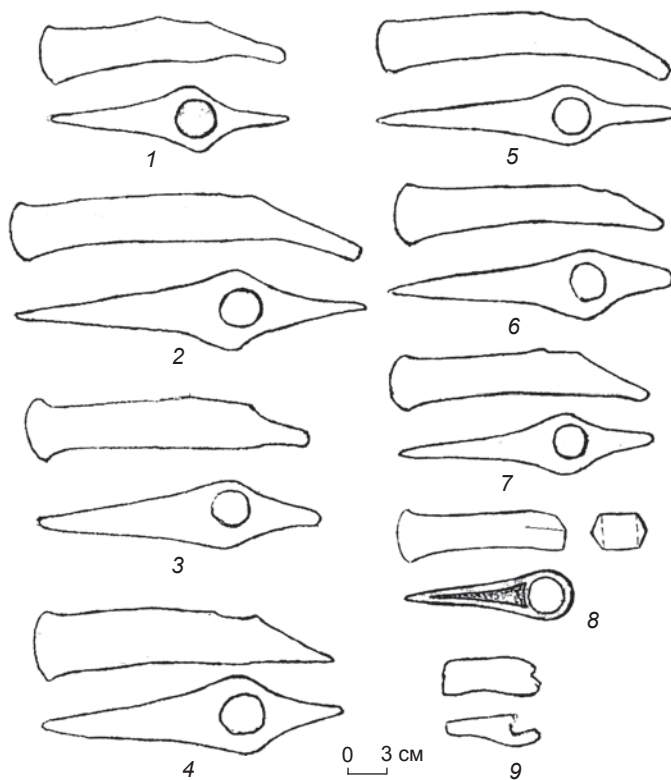

Рис. 6. Топоры из Приереванского клада (по: [Геворкян, 1980]).

Таблица 2. Замеры орудий из Приереванского клада

Лабораторный номер	Орудие	Длина, мм	А*, мм	В*, мм	В/А	Пятка, мм	Диаметр отверстия, мм
9751	Обломок тесла	138	27	3	0,11	18	—
9750	Тесло	220	47	12	0,25	20	—
9749	»	257	63	18	0,30	20	—
9748	»	257	67	8	0,11	28	—
9747	»	242	55	8	0,14	20	—
9746	»	255	64	18	0,30	18	—
9745	»	239	55	14	0,25	21	—
9744	»	224	45	12	0,26	20	—
9743	»	252	63	17	0,26	25	—
9742	»	252	60	20	0,33	24	—
9760	Клевец	220	48	14	0,29	—	30
9759	»	234	60	11	0,18	—	30
9758	»	206	44	13	0,29	—	27
9757	»	225	50	11	0,22	—	30
9756	»	230	42	9	0,21	—	29
9755	»	275	45	10	0,22	—	35
9754	»	190	45	10	0,22	—	32
9753	Топор	128	40	9	0,22	—	28

*См. примеч. к табл. 1.

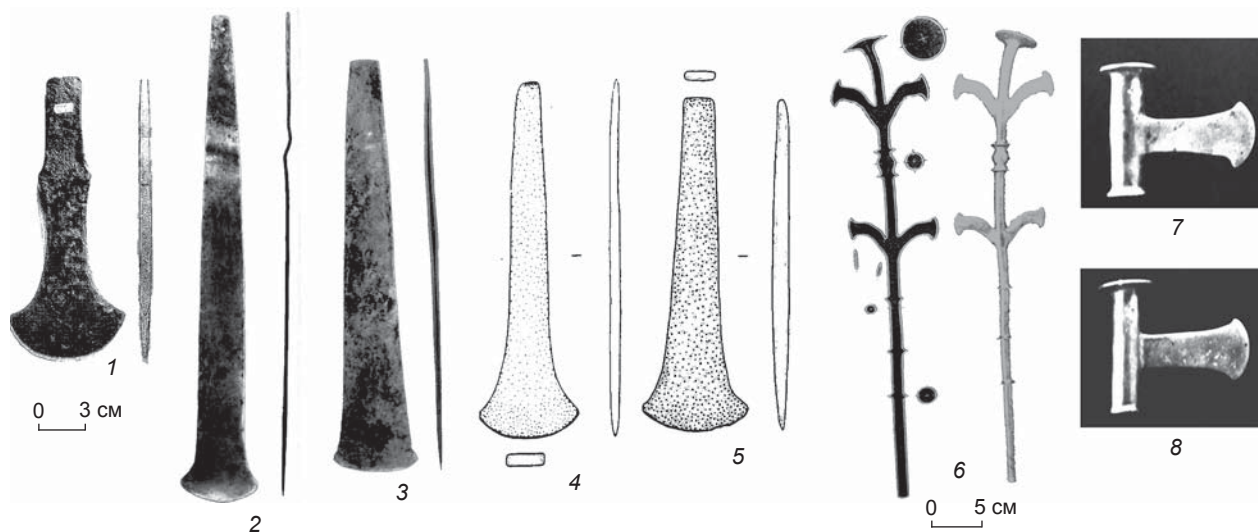

Рис. 7. Орудия ударного действия и наконечники в виде клина с округлым лезвием.

1 – пещера Арени, раскопки Б. Гаспаряна; 2, 3, 6–8 – клад Нахаль-Мишмар (по: [Bar-Adon, 1980]), 4, 5 – Илпинар (по: [Begemann, Pernicka, Schmitt-Strecker, 1994]).

ского клада. Поэтому рассматриваемые орудия вряд ли были майкопскими. Однако очевидно, что оружейники майкопско-новосвободненской общности, лейлатепинской культуры и мастера, изготовившие двинские кинжалы, ориентировались на одну и ту же форму с широкой трапециевидной рукояткой, наподобие кремневых кинжалов предыдущих эпох.

На Южном Кавказе аналогии кинжалам бесчеренового типа на уровне общих признаков формы достаточно известны. Такой кинжал как редкая находка есть в комплексе куро-араксской культуры времени Квацхелеби С (Твлепиас-Цкаро, погр. 3) [Джавахишвили, Глonti, 1962, табл. XXXVI], но его пропорции несколько иные. Кинжалы малых размеров без черен-

ка и с намечающимся черенком найдены на поселениях Кюль-тепе I и Техут, в раннем горизонте (4000–3700 гг. до н.э.) пещеры Арени [Bobokhyan et al., 2014, p. 310, fig. 7, 3–5]. Но все эти находки – небольшие кинжальчики, тогда как кинжалы из Двинского клада существенно более крупных размеров, боевые.

За пределами Кавказа, в Иране, кинжалы бесчереновой или полубесчереновой формы найдены в слое 9 Тепе-Габристана II [Корневский, 2011, рис. 13, 1–3; Majidzadeh, 1979, p. 87], синхронном слоям 3–5 урукского времени Сиалка III. Кинжалы с намечающимся черенком известны в Тепе-Гиссар I [Корневский, 2011, рис. 13, 7, 8; Schmidt, 1933, pl. XC, № 930; 1937, pl. XVI, N. 3408, 3483, 4388] и II [Корневский, 2011, рис. 13, 4–6, 9; Schmidt, 1933, pl. 1041, 1331, 21, 31]. Тепе-Гиссар I (слои Тепе-Гиссар IA–C у Э. Шмидта) датируется в пределах XL–XXXVII вв. до н.э. [Schmidt, 1933, p. 323–483]. Слой 9 Тепе-Габристана II относится к началу IV тыс. до н.э. [Majidzadeh, 1979, p. 87; Fazeli, 2004]. В Дунайском регионе бронзовые кинжалы без черенка распространились в основном в культурах времени Триполья ВП. Например, они есть в Городницком кладе XL–XXXVIII вв. до н.э. [Відейко, 2004], что соответствует раннему времени майкопско-новосвободненской общности и раннему урукскому периоду Месопотамии [Корневский,

2011, с. 21–40]. В целом кинжалы из Двинского клада отражают начавшуюся «клинковую революцию», которая стремительно развивалась и оказала огромное влияние на военизацию многих народов Передней Азии, Кавказа и Европы в IV тыс. до н.э. [Корневский, 2017, с. 59–60].

Особенности химического состава металла орудий из Приереванского клада были изучены А.Ц. Геворкяном и опубликованы задолго до обнаружения Двинского клада (табл. 3). Эмиссионный спектральный анализ был выполнен по методу Клера на спектрографе с 10-ступенчатым ослабителем. Расшифровка данных проводилась при помощи эталонов [Геворкян, 1980, с. 106]. Было установлено, что все вещи из Приереванского клада изготовлены из мышьяковой бронзы. Содержание мышьяка колеблется от 2,5 до 6,0 %. Остальные примеси исчисляются в долях процента. Обращают на себя внимание никель, серебро и свинец, представленные в основном десятками и сотыми долями процента. Примеси олова, висмута, сурьмы и железа крайне малы.

А.Ц. Геворкян совершенно справедливо отметил, что по результатам анализа очень трудно связывать готовое изделие с рудными месторождениями. На практике руда разных источников могла обогащаться, перемешиваться. Вводимые в плавку леги-

Таблица 3. Элементный состав металла орудий из Приереванского клада, %*

Лабораторный номер	Орудие	Sn	Pb	Ag	Bi	Sb	Fe	Ni	As	Cu
9742	Тесло	0,001	0,3	0,15	–	–	0,03	0,09	1,3	Основа
9743	»	0,05	0,3	0,012	–	0,02	0,003	0,10	5,0	»
9744	»	0,02	0,15	0,14	–	–	–	0,30	2,5	»
9745	»	0,005	0,2	0,14	–	0,01	0,03	0,25	2,5	»
9746	»	0,04	0,16	0,2	–	0,02	–	0,22	2,5	»
9747	»	0,003	0,005	0,25	–	0,017	–	0,04	2,5	»
9748	»	0,003	0,6	0,5	0,002	–	0,07	0,35	5,0	»
9749	»	0,001	0,8	0,14	–	0,26	0,001	0,20	5,0	»
9750	»	0,009	0,15	0,05	–	–	0,03	0,20	2,5	»
9751	»	0,001	0,05	0,06	–	–	0,003	0,09	3,5	»
9752	Клевец, лом	0,015	0,003	0,03	–	0,004	0,001	0,30	2,7	»
9753	Топор	0,04	0,05	0,15	–	–	0,008	0,09	4,0	»
9754	Клевец	0,009	0,015	0,1	–	–	0,03	0,70	5,5	»
9755	»	0,003	0,05	0,06	–	0,006	0,5	0,25	2,5	»
9756	»	0,003	0,015	0,06	–	0,1	0,003	0,30	4,0	»
9757	»	0,003	0,15	0,015	–	0,01	0,02	0,15	5,0	»
9758	»	0,003	0,2	0,1	–	0,015	0,02	0,60	6,0	»
9759	»	0,001	0,2	1,0	–	0,075	0,006	0,40	2,5	»
9760	»	0,003	0,003	0,1	–	–	0,002	0,10	5,0	»

* По: [Геворкян, 1980, с. 104, 106].

рующие минералы также могли привносить свои сопутствующие примеси. Не исключен факт переплавки ранее произведенных изделий для получения новых предметов [Там же, с. 53].

Орудия из Двинского клада были исследованы в 2019 г. современным методом рентгенофлуоресцентного анализа на спектрометре Tornado Bruker. Он заметно отличается от метода Клера, использованного для определения химического состава металла изделий из Приереванского клада. Помимо всего прочего, для нас важны качественные и количественные определения элементов, которые выполняет сам аппарат. Кроме того, спектрометр позволяет исследовать ликвацию микроэлементов, рассеянных в теле анализируемого изделия, выдавая такую информацию в виде таблиц. Чувствительность прибора 0,01 %, что достаточно для определения легирующих компонентов в сплаве. Какова степень ликвации для элементов с содержанием менее 0,01 % и насколько она может повлиять на статистические раскладки в определении состава металла, неизвестно.

Можно ли судить о соотношении микроэлементов в составе анализируемого предмета и исходного рудного источника? На этот вопрос однозначного ответа нет. Для определения связи готового изделия с рудной базой нередко используются данные об изотопах свинца [Bobokhyan et al., 2014], но для рассматриваемых кладов такие исследования не проводились.

Проанализированные орудия из Двинского клада изготовлены из мышьяковой бронзы (табл. 4). Содержание мышьяка колеблется от 1,43 до 6,26 %. В одном случае оно достигает 7,17 %. Но этот предмет является обломком тесла. Характер деформации показывает, что изделие сильно изогнули, и оно пере-

ломилось. Зачем это сделали? Трудно сказать. Ясно только, что столь высокое содержание мышьяка могло сделать предмет довольно хрупким. Может быть, древний мастер учитывал это и превратил отливку тесла в лом.

Обращает на себя внимание ровное повышенное содержание никеля и железа: Ni – сотые и десятые доли процента, но не более 0,25 %, Fe – 0,1–0,2 %. Примеси свинца составляют от 0,10 до 0,89 %. Цинк представлен сотыми и десятими долями процента, максимум – 0,7 %. Примеси олова, серебра, висмута, сурьмы и др., содержание которых менее сотой доли процента, прибором не определены.

Мышьяковые бронзы Двинского и Приереванского кладов близки по содержанию никеля и свинца. Однако в составе металла предметов из Приереванского клада не обнаружены примеси цинка, что, возможно, говорит о разных источниках руды, если только это не является следствием определения элемента по различным методикам.

Обсуждение результатов

Сопоставление металлов изделий из Двинского и Приереванского кладов свидетельствует о том, что изготовившие эти предметы мастера имели сходные навыки литья мышьяковых бронз, хорошо зная допустимое содержание мышьяка в сплаве (не более 5–6 %). Исходный источник или источники металла в обоих случаях конкретно пока определить не представляется возможным. Для Двинского клада не исключена связь с полиметаллическими медно-цинковыми или свинцово-медно-цинковыми месторождениями.

Таблица 4. Элементный состав металла орудий из Двинского клада, %

№ п/п	Орудие	Cr	Fe	Ni	Zn	As	Pb	Cu
1	Тесло	0,07	0,13	0,16	0,05	4,37	0,10	95,13
2	»	0,07	0,15	0,19	0,13	1,43	0,89	97,14
3	»	0,06	0,11	0,25	0,04	3,33	0,07	96,14
4	»	0,08	0,15	0,20	0,03	2,57	0,15	96,83
5	»	0,07	0,20	0,18	0,09	4,38	0,36	94,71
6	»	0,07	0,14	0,15	0,10	3,68	0,10	95,76
7	»	0,08	0,15	0,24	0,07	7,17	0,35	91,95
8	Кинжал	0,06	0,13	0,14	0,05	3,68	0,81	95,13
9	»	0,08	0,14	0,18	0,04	4,30	0,05	95,21
10	»	0,05	0,15	0,24	0,06	6,26	0,38	92,87
11	»	0,06	0,14	0,23	0,07	4,01	0,12	95,37
12	»	0,06	0,17	0,23	0,11	2,42	0,05	96,98
13	»	0,06	0,14	0,20	0,70	3,89	0,15	94,83
14	»	0,09	0,14	0,15	0,11	4,57	0,05	94,88

Теперь рассмотрим возможные версии утилитарно-предназначения орудий из Приереванского и Двинского кладов. Тяжелые топоры-клевцы рассматривались А.А. Мартиросяном и А.О. Мнацаканяном [1973] как оружие. А Г. Арещан [Areshian, 2007] видел в них орудия, которыми работали в шахтах. Вероятно, правы все авторы. Южно-кавказские клевцы могли использоваться как для военных целей, так и для мирного труда [Гамбашидзе и др., 2010, с. 254–259]. Возникает только один вопрос: почему форма топора-клевца распространилась именно на Южном Кавказе и ее не восприняли мастера Дунайского региона эпохи халколита, хотя они в массовом порядке изготавливали топоры-мотыги или топоры-тесла? Ответить на него можно только гипотетически. Вероятно, южно-кавказские клевцы были более приспособлены к работе на каменистых грунтах, а комплексные орудия эпохи халколита в Дунайском регионе – на мягких черноземах равнин. Не исключены и иные версии. Те и другие комплексные орудия являлись военно-аграрными и отражали уровень развития военного дела, характерный для V тыс. до н.э., когда еще не было клинкового оружия из бронзы.

Так, тяжелые топоры-молоты были на вооружении воинов эпохи халколита в Дунайском регионе. На поселении Стублине культуры винча в Сербии найден набор статуэток, которые изображали воинов, держащих, видимо, такие орудия на длинных рукоятках [Crnobraj, 2011]. Тяжелые топоры, конечно, уступали

в эффективности более легким втульчатым короткообушным топорам, один из которых встречен в Приереванском кладе. Распространение последней категории оружия в IV тыс. до н.э. совпадает с появлением на широкой территории кинжалов и, вероятно, находится в определенной связи с развитием искусства ведения ближнего боя. Поэтому присутствие в Приереванском кладе втульчатого топора было своего рода влиянием времени.

Интерпретация плоских тесел из Приереванского и Двинского кладов как орудий деревообработки сомнительна. Поводом для этого являются лезвия орудий с коэффициентами скругленности 0,2–0,3. При такой форме рубящего края клина более выражен эффект резания, свойственный боевому топору. Для примера мы определили этот коэффициент у плоского боевого топора с закраинами из пещеры Арени конца III – II тыс. до н.э. (см. рис. 7, 1). Он оказался равным 0,31. Коэффициент скругленности у двух клевцов из Приереванского клада 0,29, а у нескольких других 0,22.

Таким образом, тесла из Приереванского и Двинского кладов могли быть орудием ударного действия. Сильно скругленное лезвие с закраинами более характерно для боевого топора, чем для инструмента деревообработки. Именно такое расширенное лезвие имеют плоские топоры из клада Нахаль-Мишмар. На разнообразных штандартах из этого клада многократно обыгрывались форма такого топора или превращение его в топор с длинной трубчатой втулкой (рис. 7, 6–8). Поэтому можно думать, что для местных воинов и литейщиков плоский топор был привычным, хорошо знакомым средством рукопашной схватки [Bar-Adon, 1980, fig. 27, 106, 148, 153].

Крупные кинжалы из Двинского клада были эффективным оружием с колющей функцией при нанесении удара. Обладание таким средством атаки давало неоспоримое преимущество воину над противником, у которого аналогичного оружия не было [Корневский, 2017, с. 117–124]. Не исключено, что бесчеренковые клинки могли прикрепляться к рукоятке и становились копьями с бронзовыми наконечниками.

Все вышесказанное о возможных функциях орудий из Приереванского и Двинского кладов указывает на то, что это были комплексы мастеров-оружейников, непосредственно имевших дело с их производством. В пользу такого вывода свидетельствует наличие литейного брака, лома и незаконченных орудий – плоского топора в Двинском кладе и топора-клевца в Приереванском.

Возраст обоих комплексов определяется методом аналогий. Прежде всего следует обратить внимание на то, что на поселениях куро-араксской культуры 3500–3000 гг. до н.э. [Badalyan, 2018] отсутствовали топоры-тесла и медные топоры-молоты. Найденные

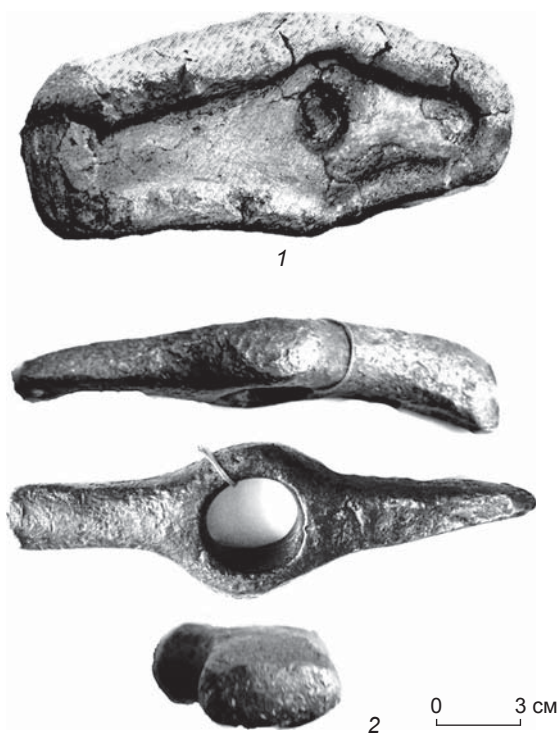

Рис. 8. Литейная форма из Дзедзевби IV (1) и топор из Гюмри (2).

на них втульчатые топоры имеют цилиндрическую втулку, круглый обух. Литейные формы для их изготовления неоднократно находили на поселениях куро-араксской культуры. Они свидетельствуют о качественно иной технологии формообразования топоров, общей для лейлатепинской, куро-араксской культур и майкопско-новосвободненской общности.

Литейная форма для топора-клевец была найдена только на поселении культуры сиони-цопи Дзедзевби IV (рис. 8, 1) у г. Болниса (Грузия) на северной периферии Алавердского рудного узла [Gambashidze, Stollert, 2010, S. 152, Add. 2]. Топор-молот или топор-клевец, отлитый в подобной форме, известен в Гюмри (Армения) (рис. 8, 2). Культура сиони-цопи датируется концом V – началом IV тыс. до н.э. (даты Сиони – 4055–3905 гг. до н.э., 4065–3910, 4175–3955 и 4245–3975 гг. до н.э.) [Sagona, 2014, p. 36]. Яма, в которой была найдена литейная форма топора-клевец вместе с керамикой культуры сиони-цопи, по сообщению И. Гамбашидзе, относится именно к концу V тыс. до н.э. (4318–4237 и 4327–4175 гг. до н.э.), что совпадает с датами комплекса 17002 (топор-молот и два тесла) из Овчулар-тепеси [Marro, Bakhshaliev, Ashurov, 2009, 2011] и топоров-мотыг типа Ариушт и Ясладань племен Дунайского региона эпохи халколита [Рындина, 2002, с. 257] конца V – начала IV тыс. до н.э. (Триполье VI–VII, VII).

Приведенная аналогия для клевцов Приереванскогоклада может распространяться и на южно-кавказские комплексы с теслами двинского типа. К югу от Кавказа подобные топоры, являясь оружием племен Восточного Средиземноморья (Нахаль-Мишмар) и Анатолии (Илпинар), могли существовать с позднего халколита до периода Джемдет-Насра (Икиз-тепеси). Но на Южном Кавказе, на памятниках куро-араксской культуры они неизвестны, как и крупные кинжалы с трапезиевидной рукояткой. Эти аргументы позволяют рассматривать Приереванский и Двинскийклады в качестве комплексов докуро-араксского времени, синхронных культуре сиони-цопи, ранним комплексам пещеры Арени (слои IV, III, II) [Bobokhyan et al., 2014, p. 284, 285], раннемайкопским и лейлатепинским (в целом конец V – первая половина IV тыс. до н.э.) [Музеибли, 2020а; б, с. 279]. Они отражают очень древний этап производства тяжелого оружия рукопашного боя и клинкового оружия в зоне Алавердского рудного поля и на примыкающих к нему территориях.

Заключение

Анализ материалов Двинского и Приереванскогокладов показывает, что они отражают особый докуро-араксский этап металлообработки племен Южного Кавказа. Это было время распространения в регионе

кланов литейщиков-оружейников, создававших военнo-аграрные орудия. В их среде уже начали воспроизводить новые формы легких боевых втульчатых топоров и клинкового оружия. Распространение тяжелых плоских топоров в районе мест обнаружения кладов предполагает их местное изготовление и особый южный локальный участок металлообработки в рамках Алавердского рудного поля, о котором ранее уже писали А.А. Мартиросян и А.О. Мнацаканян [1973]. В пользу этого свидетельствует и то, чтоклады находились в относительной близости друг от друга.

По своей сути Двинскийклад, вероятно, был жертвенным комплексом мастера-литейщика, закопавшего свои изделия на вершине холма как на особом сакральном месте. Вещи Приереванскогоклада, по видимому, были из той же серии жертв, принесенных представителями кузнечного и литейного ремесла. После сокрытия они не предназначались для дальнейшего использования, так же как предметы, сопровождавшие умерших в страну «без возврата».

Благодарность

Авторы выражают глубокую благодарность И. Гамбашидзе за сообщение о радиоуглеродной дате литейной формы из Дзедзевби.

С.Н. Корневским работа выполнена в рамках государственного задания АААА-А18-118011790090-1.

Список литературы

- Видейко М.Ю.** Городница II, скарб // *Энциклопедія трипільської цивілізації*. – Киев: Петроимпекс, 2004. – С. 126–127.
- Гамбашидзе Ир., Миндиашвили Г., Гогочури Г., Кахиани К., Джапаридзе И.** Древнейшая металлургия и горное дело в Грузии в VI–III тыс. до н.э. – Тбилиси: Нац. музей Грузии, 2010. – 592 с. (на груз. яз.).
- Геворкян А.Ц.** Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. – Ереван: Изд. АН АрмССР, 1980. – 128 с.
- Джавахишвили А.И., Глonti Л.И.** Урбниси I. – Тбилиси: Мицниереба, 1962. – 73 с., XXXVI табл.
- Корневский С.Н.** Древнейший металл Предкавказья: Типология. Историко-культурный аспект. – М.: Таус, 2011. – 385 с.
- Корневский С.Н.** Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тыс. до н.э.): очерки военизации древних обществ по данным археологии: Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. – М.: ИА РАН, 2017. – 283 с.
- Мартиросян А.А., Мнацаканян А.О.** Приереванскийклад древней бронзы // *КСИА*. – 1973. – Вып. 134. – С. 122–127.
- Музеибли Н.** Лейлатепинская культура Южного Кавказа: на пересечении традиций Передней Азии и Юго-Восто-

ной Европы // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. – В.: Dietrich Reimer Verl., 2020a. – С. 55–83. – (Archäologie Iran und Turan; Bd. 19).

Мусебли Н. Лейлатепинская культура. – Баку: Элм, 2020б. – 577 с. (на азерб. яз. с резюме на рус. и англ. яз.).

Рындина Н.В. Медные топоры-молотки и топоры-тесла Восточной Европы (эпоха энеолита) // Проблемы археологии Евразии. – М.: ИА РАН, 2002. – С. 246–258.

Areshian G. From extended families to incipient polities: the trajectory of social complexity in the Early Bronze Age of the Ararat Plain (Central Near Eastern Highlands) // Social Orders and Social Landscapes / eds. L.M. Popova, Ch.W. Hartly, A.T. Smith. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. – P. 26–53.

Badalyan R. The chronology of the Kuro-Araxes: New data and old problems of periodization and chronology of the Early Bronze Age materials in Armenia // Armenian Journal of Near Eastern studies. – 2018. – Vol. XII, iss. 1. – P. 51–57.

Bar-Adon P. The Cave of Treasure: The Finds from the Caves in Nahal Mishmar. – Jerusalem: Israel Exploration Society, 1980. – 243 p.

Begemann F., Pernicka E., Schmitt-Strecker S. Metal finds from Ilipinar and the advent of arsenical copper // Anatolica. – 1994. – Vol. 20. – P. 203–220.

Bilgi O. İkiztepe Erken Bronz çağı mezarlığından ayrıcalıklı mezarlar // Anadolu Araştırmaları. – 2005. – Cilt 18, Sayı 2. – S. 15–113.

Bobokhyan A., Meliksetian Kh., Gasparian B., Avetisyan P., Chatainger Ch., Pernicka E. Transition to extractive metallurgy and social transformation in Armenia at the end of the Stone Age // Stone Age of Armenia / eds. B. Gasparian, M. Arimura. – Kanazawa: Kanazawa University, 2014. – P. 283–313.

Crnobraja A.N. Arrangement of Vinča culture figurines: a study of social structure and organization // Documenta Praehistorica. – Belgrade: Belgrade City Museum, 2011. – Vol. 38. – P. 131–148.

Gambashidze I., Stollerr T. Das prähistorische Siedlungsplateau Dzedzwebi nahe Balitschi in Unterkartli // Gold und Wein: Georgiens älteste Schätze. – Frankfurt: Nünnerich-Asmus, 2010. – S. 150–157.

Fazeli H. Chalcolithic Archaeology of the Qazvin Plain // Iran exhibition. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2004. – P. 107–130.

Majidzadeh Y. The Early Prehistoric Cultures of the central Plateau of Iran: An archaeological history of its development during the fifth and fourth millennia BC: diss. – Chicago: The University of Chicago, 1979. – 500 p.

Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S. Excavations at Ovçular Tepesi (Nahichevan, Azerbaidjan). First Preliminary Report: 2006–2008 Seasons // Anatolia Antiqua. – 2009. – Vol. XVII. – P. 31–87.

Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhichevan, Azerbaidjan). Second preliminary report: 2009–2010 Seasons // Anatolia Antiqua. – 2011. – Vol. XIX. – P. 53–100.

Sagona A. Rethinking the Kuro-Araxes genesis // Paleorient. – 2014. – Vol. 40, iss. 2. – P. 23–46.

Schmidt E.F. Tepe Hissar excavations, 1931. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1933. – 487 p. – (The Museum Journal; vol. 23, N 4).

Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1937. – XXI, 478 p.

*Материал поступил в редколлегию 04.12.20 г.,
в окончательном варианте – 08.02.21 г.*